

ИСТОРИЧЕСКАЯ ДЕМОГРАФИЯ

ИСТОРИЧЕСКАЯ СОЦИОМОБИЛЬНОСТЬ И МНОГООБРАЗИЕ МИГРАЦИЙ НАСЕЛЕНИЯ ЦЕНТРАЛЬНОГО ЧЕРНОЗЕМЬЯ В 1861—1917 ГГ.

А.Н. Курцев

Кафедра истории России
Курский государственный университет
ул. Радищева, 33, Курск, Россия, 305000

Статья содержит основы новаторской концепции по целостной характеристике всего многообразия перемещений людей за 1861—1917 гг. На примере Центрально-Черноземного региона освещен комплекс трудовых миграций, воинские и учебные, религиозные и репрессивные, исход беженцев Первой мировой войны.

Российская история неразрывно связана со множеством различных миграций населения, особенно интенсивных в переломные периоды, включая переход от аграрной цивилизации к индустриальному обществу в 1861—1917 гг.

Имеющуюся отечественную и зарубежную литературу отличает изолированное освещение отдельных миграционных явлений, чреватое односторонностью подходов и неизбежно малодостоверными выводами.

Назрела настоятельная необходимость изучения всего многообразия перемещений людей, что позволит раскрыть их подлинное значение в жизни российского общества, включая взаимодействие миграционных потоков.

Авторское видение исходных установок состоит в том, что миграции являются процессами пространственной социомобильности населения. Общими критериями их конкретного отбора для научного изучения выступает органичное сочетание их социальной значимости, относительной продолжительности и удаленности перемещений.

Их внутренняя классификация по функциональному назначению позволяет выявить следующие важнейшие процессы на 1861—1917 гг.: 1) трудовые миграции, особенно переселенчество и отходничество крестьян, которые дополнялись перемещениями горожан, а также иммиграцией и эмиграцией людей; основные нетрудовые миграции с регулярным действием ежегодного характера: воинские, учебные, религиозные, репрессивные; 3) беженство как особый вид миграции во время Первой мировой войны.

Проведем целостный анализ указанных миграций на примере Центрально-Черноземного региона (ЦЧР) в составе Воронежской, Курской, Орловской, Рязанской, Тамбовской, Тульской губерний, ибо он был самым многонаселенным среди великорусских, где в 1897 г. жили 12,8 млн чел.

Миграции населения ЦЧР характеризовались преимущественно центробежной направленностью, высокой интенсивностью и широким разнообразием. Перепись 1897 г. показала 3 млн жителей региона, являвшихся мигрантами, или 23% к наличному населению. К таковым отнесены местные уроженцы — это 2 млн покинувших Черноземье и около 600 тыс., что совершили перемещения в региональных пределах, а также приток в регион извне — свыше 400 тыс. неместных уроженцев (1).

В условиях межцивилизационного перехода российского общества важнейшее значение имели земледельческое переселенчество и индустриальное отходничество селян, сыгравшие, соответственно, решающую роль в деле завершения колонизации окраин и начавшейся урбанизации страны. Отличительной чертой Черноземного центра являлось массовое участие крестьян сразу в обеих названных миграциях.

Причем первая была исторически уходящим движением крестьянства. Собственно переселение аграрного характера представляет взаимосвязь следующих его типичных фаз: выселения и заселения, т.е., соответственно, движение из перенаселенных регионов на неосвоенные территории.

Однако Россия с середины XIX столетия переживала завершающий период колонизации окраин, когда заселение стало уступать место локальному подселению — к местным жителям и пришедшим ранее мигрантам, которые заняли плодородные массивы целины, пригодной для обработки. Поэтому позднейшим переселенцам остались истощенные старожилками залежные земли или безводная степь и дремучая тайга, что в итоге обернулось поземельной неустроенностью массы новоселов, развитием повторных и обратных миграций.

За 1861—1917 гг. переселенческое движение охватило приблизительно 2 млн жителей региона (включая 200 тыс. ходоков) (2). Посредством выселений беднеющее крестьянство спасалось от малоземелья и нищеты на родине.

В первые пореформенные десятилетия селяне преимущественно устремились в доступные своей близостью Донскую область, Новороссию и Предкавказье, степное Заволжье, следуя туда пешком за конными повозками с грузом и детьми.

Отдельные мероприятия властей по поощрению колонизации окраин страдали ограниченностью и поспешно сворачивались из-за угрозы массового исхода крестьян. В результате миграции проходили стихийно, зачастую нелегальным порядком, вымывая из региона самых социально активных селян.

Совершение таких переселений породило народную практику ходяческого движения как предварительной миграции с функциями подготовки выселения. Подобные задачи попутно решали отход рабочих на полевую страду и воинская служба в местах вселения (особо сказалась Кавказская война).

Основной контингент самовольных мигрантов составляла сельская гольтьба, несмотря на указание правительства «не допускать переселение семей, кои... по бедности не могут рассчитывать на успешное устройство» в заселяемых местностях (3).

Нужный минимум денежных средств, необходимый новоселам на первичное обустройство, давала распродажа на родине имущества — от домов до земли, включая латентную продажу общинных наделов под видом сдачи в долгосрочную аренду с завышенной платой, что способствовало развитию оборота земельной собственности крестьян.

За пореформенное тридцатилетие на европейских территориях прочно устроились лишь небольшое число ранних мигрантов ЦЧР, что успели получить там казенные угодья или осуществить перечисление в сельские общества местных крестьян, имевших свободные земельные площади, а также семьи, купившие участки из частных владений по стоящим тогда еще дешевым ценам.

Большинство же вселившихся оказались на положении бездомных батраков и временных арендаторов казачьей, а также помещичьей и крестьянской земли, привнеся на окраины трехполье вместо перелога и другие улучшенные приемы агрокультуры (4).

С середины 1890-х гг. мигранты из ЦЧР, потерявшие возможность земельного устройства в освоенных регионах прежнего заселения, с открытием Транссибирской железнодорожной магистрали массово двинулись на азиатские окраины, чему способствовал новый курс правительства по организации льготного переселения для крестьян среднего достатка с обязательным осуществлением ими предварительного ходачества (от групп семей). Таким лицам предоставили удешевленный проезд железнодорожным транспортом, бесплатно наделяли удобными земельными участками, выдавали денежные ссуды на заведение хозяйства и т.д., что вызвало развитие самовольных переселений беднейшего крестьянства Центрального Черноземья, включавших уход за Урал множества бывших арендаторов европейских земель (5).

С 1900 г. началось свертывание льготных переселений с последующей их остановкой на время Русско-японской войны. В марте 1906 г. Совет Министров во главе с С.Ю. Витте возобновил политику поощрения миграций, отменив прежний контроль за уровнем достатка ходочков, что вызвало небывалый всплеск движения в Зауралье.

Столыпинское правительство вынуждено было вернуться на 1907—1910 гг. к частичным ограничениям сибирской колонизации из-за невозможности обеспечить миллионы выселяющихся удобными землями и денежной помощью, безуспешно пытаясь остановить стихийно уходящих сельских бедняков, продававших перед переселением свои наделы и родные избы, чтобы предотвратить их возвращение домой в полной нищете.

Так, в 1908 г. телеграмма из Петербурга на Курщину гласила, что «свободных участков в Томской губернии нет, посылка ходочков туда будет бесполезна»; казенную помощь обещать только желающим получить наделы в таежных болотах Амурской области (6).

Лишь в 1911 г., когда огромная волна мигрантов спала под воздействием масштабного обратничества самостоятельных выселенцев (в ЦЧР вернулись 20% новоселов), произошло восстановление льготного переселенчества с единственным требованием совершения ходачества. Медленное оживление к лету 1914 г. выезда мигрантов в Азиатскую Россию вскоре сменилось глубоким спадом по причине развертывания военных мобилизаций (7).

В Сибири половина переселенцев ЦЧР завели собственные хозяйства с последующим их укреплением путем многолетнего труда на лучших участках казенных угодий. Остальные, главным образом стихийные мигранты позднего времени, выступали арендаторами, батраками, квартирантами у зажиточных старожилов и частью у ранних участников официозного переселения (8).

Прогрессирующей миграцией индустриального общества было отходничество как первоначальная фаза будущего превращения сельских тружеников в постоянных жителей российских городов.

Переходная незрелость отхожих промыслов этого исходного периода заключалась в существовании земледельческого отхода в малонаселенные районы и временном пребывании крестьян в городах.

В основе пореформенного развития отходничества крестьян Центрального Черноземья лежали как избыток в деревне данного региона трудовых ресурсов при широком спросе на отхожих рабочих в других районах и городах страны, так и социальный выбор конкретных людей более эффективных видов деятельности и источников укрепления семейного благополучия.

К 1900 г. ежегодный контингент отходников ЦЧР превышал 860 тыс. крестьян (включая 15% женщин) (9).

В пореформенное тридцатилетие большинство отходников Центрального Черноземья находили сезонную работу в сельском хозяйстве окраин: от южно-казачьих областей до заволжских губерний, где они нанимались артелями односельчан к многоземельным старожилам для ручной косьбы травы и хлеба, а также работ по вспашке и молотьбы, в скотоводстве и огородничестве. С 1890-х гг. этот отход резко упал из-за широкого введения там машинной косовицы и использования труда переселенцев.

На грани XIX—XX веков среди отходников ЦЧР стала доминировать не-земледельческая деятельность, поначалу особенно «черные работы», сыгравшие роль переходных к освоению квалифицированных профессий в строительстве и промышленности, на транспорте и горнодобыче, в области торговли и сфере услуг. Участники отхода отныне трудились от западных губерний до Дальнего Востока, в столицах и Донбассе, Бакинской нефтяной индустрии и т.д., пользуясь проездом по железным дорогам.

Важным явлением стал рост женского отхода: от эпизодического участия в сельскохозяйственных работах до массового устройства ткачихами на фабриках и прислужгой в городах (кухарками, няньками и пр.).

Артельная организация и сезонность заработков, оставаясь традицией отхожих косарей, пока была характерна для строителей (летний сезон), частично

шахтеров (зимнее время), чернорабочих в промышленности (зима или лето) и др., гарантируя сохранение их тесной связи с родным селом.

Закрепление крестьян на городских заработках в сфере фабрично-заводского труда, в качестве домашней прислуги и т.п. все больше требовало круглогодичной работы уже одиночек, искавших вакансии по рекомендациям односельчан или поручительству родственников.

Однако в городе они проходили жестокий отбор на право длительного пребывания. Большинство селян быстро отсеивались домой, ежегодно сменяемые новым поколением молодежи. Некоторые юноши и часть девушек, потеряв надежду найти достойное приложение труда, избирали положение городских люмпенов с воровством и проституцией, нищенством и бродяжничеством.

Меньшинство отходников, постепенно адаптируясь к новым условиям жизни, становились квалифицированными неземледельческими работниками, поддерживая деньгами свое крестьянское хозяйство и иногда навещая в деревне родных; с возвращением к земледелию в пределах среднего возраста, обычно отправляя (жившие в городе без своих семей), иногда оставляя (взятые в город супругу и детей) подросшее потомство на городские заработки: чаще сыновей, реже дочерей. У одиночки весь отхожий срок его хозяйство велось домашними силами (10). Отхожая семья по приезду домой «заводит вновь хозяйство» (11).

Большинство городов черноземного региона, являясь административными центрами, имели слаборазвитую экономику и избыток трудоспособных людей. Поэтому с 1860-х гг. 60 тыс. горожан, или около трети мужского населения рабочего возраста, ежегодно уходило для занятий торговлей и отчасти ремеслом в крупнейшие или окраинные города России, совмещая в последних промысловую деятельность с пригородным земледелием (12).

Типичную картину по уездным городкам спустя столетия дает информация из Курской губернии за 1911 г.: «Обоянь, как многие др. города, переживает тяжелое экономическое истощение, что заставляет бежать из города в место, где труд оплачивается выше». В итоге здесь «вместо прибавления числа населения замечается значительное его уменьшение», поскольку оно ежегодно «уходит с весны на заработки, больше на юг, мужчины по каменной части, женщины и девушки на огороды, в портовые города» (13).

Нарастающее выселение коренных горожан частично возмещало прибытие иногородних, главным образом из западных губерний: преимущественно чиновничества и разночинной интеллигенции, особенно много из числа поляков (14).

Города региона также служили местом приложения труда окрестных селян, замещавших освобожденные ушедшими горожанами низкооплачиваемые вакансии (15).

Пореформенный период дал значительный приток в ЦЧР иммигрантов трудового назначения. К 1897 г. таковых там выявили 3 тыс. чел., причем большинство их родились в России, главным образом в пределах региона, представляя собой не самих иммигрантов, а их обрусевшее потомство, поэтому многие такие лица указали родным русский язык.

Основные группы являлись выходцами из Германии и Австро-Венгрии, небольшой приток дали многие государства — от сопредельных Турции, Персии и Румынии до отдаленных Франции, Англии и Испании.

Преобладало городское расселение иностранцев с особой концентрацией в губернских центрах, где мужчины преимущественно содержали небольшие промышленные заведения с квалифицированными помощниками из контингента соотечественников. В сельской местности они обыкновенно служили управляющими крупных имений, инженерами и механиками на перерабатывающих предприятиях. Женщины в основном были преподавателями (в городах) и гувернантками (в имениях) (16).

С 1900-х гг. уже уроженцы ЦЧР потянулись в эмиграцию. В Западной Европе находили работу лишь отдельные специалисты с вузовским образованием, немногочисленные женщины неопределенных занятий. Широкое развитие получило движение в Северную Америку крестьян и горожан (обычно после военной службы на Западе России, где отъезд за океан давно охватил массу людей). В 1913 г. пароходами было отправлено в США (только из Либавы) 266 жителей региона. Трудились они там чернорабочими в промышленности, сельском хозяйстве, строительстве. Высокая плата окупала расходы на дорогу и позволяла вернуться домой после годичного отсутствия с большими деньгами. Некоторые мужчины к 1914 г. остались в Америке на постоянное жительство, вызвав к себе жену с детьми (17).

Из регулярных перемещений нетрудового назначения наиболее массовыми были воинские миграции, которые за 1861—1917 гг. охватили по ЦЧР до 4 млн мужчин. Ежегодные призывы молодежи (включая рекрутов до 1874 г.) на срочную службу в мирных условиях, забиравшие к 1914 г. по 40 тыс. новобранцев, дополнялись воинскими мобилизациями, главным образом запасников и ополченцев: в Русско-турецкую войну 1877—1878 гг. — 70 тыс., Русско-японскую войну 1904—1905 гг. — 130 тыс. и Первую мировую войну 1914—1917 гг. — 1,8 млн чел. (96% из села) (18).

Призывы мирного времени шли из ЦЧР на пополнение гарнизонов западных губерний, отчасти Кавказа, Средней Азии и Дальнего Востока. Лучшие попадали в столичную гвардию и на флотскую службу. В период войны люди служили на территории сопредельных государств. Сроки мирной службы составляли от 12 до 3 лет (соответственно для рекрутов 1861 г. и пехоты 1913 г.), войны еще более увеличивали ее продолжительность.

Солдаты и матросы временно получали особый социальный статус военно-служащего (в рекрутские времена он давался потомственно). Нести службу в частях армии и флотских экипажах им значительно помогала земляческая поддержка. Основу службы в мирный период составляла система военной подготовки — от индивидуального обучения до коллективных маневров. Экстремальные трудности военнослужащие переносили при ведении боев в условиях войн, сопряженных с психотравмами, ранениями и болезнями, гибелью и пленением (19).

После демобилизации проходил процесс реадaptации людей к гражданской обстановке, особенно сложный для сельских жителей. Многие оседали в горо-

дах службы, поступая в полицию, становясь дворниками и т.п.; часть возвращались в вооруженные силы в качестве сверхсрочных служащих, что свидетельствует о перерастании процессов миграций из воинских в трудовые.

На родине крестьяне охотно избирали отставных унтер-офицеров волостными старшинами и сельскими старостами. С другой стороны, по отзывам властей, нижние чины запаса — «самый беспокойный элемент» в жизни черноземной деревни, главный устроитель «всякого беспорядка»; поскольку «отвык» от рутинного «труда» в сельском хозяйстве, «всегда пьяный», в итоге скоро «впадает в бедность» (20).

Особо отметим такое явление, как прохождение службы в Черноземном центре сотен тысяч неместных уроженцев: главным образом из западных губерний: поляки, евреи, латыши, украинцы и белорусы, поволжские татары, кавказские жители и пр., прошедшие здесь школу общения с населявшими этот край великорусами (21).

В пределах центрально-черноземных губерний собственные вузы отсутствовали, поэтому десятки тысяч молодых людей региона учились в столицах, больших университетских городах, в отдельных случаях — в Западной Европе.

Большинство участников учебных миграций являлись выходцами из средних слоев общества, на крайних их полюсах находились, с одной стороны, представители потомственного дворянства, с другой — низших слоев города и деревни (22).

С середины XIX столетия в российских вузах действовали студенческие землячества из уроженцев каждой губернии, которые способствовали адаптации молодежи к общим условиям жизни в незнакомом месте проживания и самой специфике вузовской учебы, помогали малоимущим деньгами, находили им заработки, удовлетворяли потребности в духовном общении.

После выпуска только около половины юношей находили вакансии в Центральном Черноземье. Остальные выпускники селились работать в других районах страны, в данном же регионе почти каждое второе место, требующее специалиста с вузовским образованием, занимали неместные уроженцы, т.е. следствием временных учебных миграций являлись безвозвратные трудовые перемещения (23).

Постепенно рос контингент местных девушек, получавших образование на Высших женских курсах Москвы, Петербурга, Харькова, Киева, Томска и т.д., а также в вузах Швейцарии, Германии, Франции.

В 1913 г. открыли Воронежский сельскохозяйственный институт, при котором к 1916 г. создали Высшие женские курсы. Половину учащихся там составляла молодежь центрально-черноземных губерний. Остальной контингент был представлен мигрантами из разных районов страны, включая Сибирь, а позже беженцами Первой мировой войны (24).

Подобные миграционные процессы в известной мере были характерны и для большинства средних учебных заведений ЦЧР (25).

Массовым процессом религиозных миграций населения являлось паломничество к православным святыням, совершаемое верующими людьми для укреп-

ления религиозных чувств. В богомольческом движении ежегодно участвовали до 1 млн чел., главным образом местных жителей, а также множество людей из разных уголков страны, приходивших на поклонение к здешним святым, особенно на их торжества. Например, на открытии в 1861 г. мощей св. Тихона в г. Задонске Воронежской губернии участвовали 200 тыс. паломников, торжества канонизации Серафима Саровского в Тамбовской губернии собрали в 1903 г. 300 тыс. верующих. Уроженцы ЦЧР посещали киевские святыни, подмосковную Троице-Сергиевскую лавру, Оптину пустынь Калужской епархии и т.д., а также Святую Землю в Турции, Святой Афон в Греции, церковные реликвии в Италии. Большинство богомольцев являлись крестьянами, причем до 70% из них были женщинами (26).

Паломничество способствовало переходу части верующих в православное монашество, которое представляло собой культовое перемещение людей на постоянное жительство в монастыри, следствием чего являлись полный разрыв всяких связей с местом рождения и своими семьями, получение нового социального статуса, принятие обета безбрачия, отсутствие личной собственности и т.д. Больше половины местных уроженцев поселились в монастырях за пределами региона, включая зарубежные обители (в основном — афонские). На территории Черноземья в монашестве (с послушниками) к 1914 г. состояли 15 тыс. чел., в подавляющем большинстве женщины крестьянского происхождения (27).

Миграционные процессы репрессивного характера, охватив за 1861—1917 гг. примерно 30 тыс. жителей региона, преимущественно состояли в безвозвратном удалении их на сибирскую каторгу и многолетнюю ссылку за уголовные преступления, где они «немедленно вовлекают в свое ремесло менее воздержанных старожилов» и вместо исправления вскоре становятся «еще более дерзкими преступниками» (28). После революции 1905 г. значительно увеличилось число политических осужденных, которые вернулись по мартовской амнистии 1917 г.

С другой стороны, до начала 1900-х гг. данный регион часто служил местом ссылки для неместных уроженцев из малоопасных элементов: чаще — уголовных, реже — политических, представленных, например, соответственно кавказскими бандитами и польскими повстанцами. Последствием войны 1877—1878 гг. стало поступление в ЦЧР нескольких тысяч плененных турок (29).

В начале Первой мировой войны из Черноземного центра депортировали на восток взрослых мужчин, являвшихся подданными воюющих против России государств (вслед за некоторыми мужчинами добровольно последовали их семьи). Взамен ЦЧР принял к 1917 г. свыше 50 тыс. неприятельских военнопленных, которых использовали на разнообразных работах.

Прошли вражеский плен и многие уроженцы ЦЧР — от единичных случаев в Русско-турецкую войну и нескольких сотен в Русско-японскую до десятков тысяч в Первую мировую войну (30).

Наконец, в эпоху Первой мировой войны Центральное Черноземье приютило полмиллиона беженцев (из общего числа в 5 млн чел.) (31).

Боевые действия на западной границе с лета 1914 по март 1915 г. вынудили эвакуироваться на ближайшую территорию относительно небольшое число граж-

данского населения. В указанное время лишь отдельные семьи (русских офицеров и штатских служащих) переселились на жительство в ЦЧР, где нуждающимся помогли выдачей скромных единовременных пособий.

Начавшееся весной 1915 г. отступление наших войск вглубь страны вызвало массовый исход людей в тыловые губернии. К осени этот поток радушно приняли в данном регионе: беженцев поместили жить в дома местного населения, организовали выплату им ежемесячных пособий, лечение больных и обучение молодежи, удовлетворение духовных и религиозных запросов.

Основную массу беженцев составляло нерусское население: украинцы, поляки, прибалты, евреи и другие выходцы из западных земель, а также немногочисленные партии закавказских армян. Подавляющая часть эвакуированных — женщины с детьми и старики. По социальному происхождению преобладало крестьянство, горожан было немного. Соответственно, их расселили в сельской местности и местных городах.

За 1916—1917 гг. новые поступления были очень незначительны. Однако положение ранее осевших беженцев постепенно ухудшалось: половине их перестали выдавать пособия, чтобы стимулировать трудоустройство людей; у остальных инфляция обесценила получаемое денежное содержание, а коренное население начало проявлять в отношении мигрантов чувства неприязни (32). Летом 1917 г. дело дошло до отдельных актов избиения детей беженцев, изгнания взрослых из домов и с работ (33).

Таким образом, целостное изучение многообразия миграций населения, реализованное применительно к Центральному Черноземью, позволило установить, что в 1861—1917 гг. они охватили важнейшие сферы жизни российского общества. Развитие индустрии и сельского хозяйства в значительной степени определялись отходничеством и переселенчеством, оборонный потенциал — воинскими миграциями, формирование интеллигенции — учебными, верования — культовыми, наказание преступных элементов и деятелей революционного движения обыкновенно происходило посредством депортаций, военные поражения вызвали беженство и т.д.

Использование автором комплексного подхода, отличного от освещения каждого данного перемещения по отдельности, помогло выявить, что реально тактовые сосуществовали интегрировано, переплетаясь и взаимодействуя. В частности, избыточность переселенцев на землях окраин обернулась ростом среди селян городского отхода. Быстрое переполнение городов повлекло превращение части трудовых мигрантов в преступников. Воинские миграции, сопровождаясь репрессивными (с вывозом пленных во вражеские государства), зачастую делали из вчерашних солдат переселенцев и отходников, включая их участие в заокеанских заработках. Студенческая учеба в иногородних вузах, сочетаясь с известным отсевом депортированных по политическим мотивам, заканчивалась передвижениями трудового назначения.

Общие черты, характерные для разнообразных миграций, обычно включали необходимость адаптации, а иногда социальной трансформации мигрантов. В случае возвращения на старое место проживания была нужна еще и реадапта-

ция, зачастую предполагавшая обратную социоинверсию. Так, крестьянский отход в ротационной форме породил переходный тип русского пролетария, обладавшего чертами социального синтеза, который проводил детство в деревне, с юности жил в городе, а к старости возвращался к занятиям земледелием. Пример пространственной социомобильности, имевшей безвозвратно-пожизненный характер, являло поступление в монашество.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) Общий свод по Империи результатов разработки данных первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 года. — СПб., 1905. — Т. I. — С. 8—9, 90, 124—148.
- (2) Там же. — С. 112—113; Сельское хозяйство в России в XX веке. — М., 1923. — С. 12—33.
- (3) Российский государственный исторический архив (далее: РГИА). — Ф. 391. — Оп. 2. — Д. 1205. — Л. 174 об.
- (4) Там же. — Д. 1427. — Л. 119 об.
- (5) Там же. — Л. 20.
- (6) Там же. — Оп. 3. — Д. 970. — Л. 18.
- (7) Итоги переселенческого движения за время с 1910 по 1914 гг. — Пг., 1916. — С. 2—9.
- (8) См., например: *Федяевский К.К.* Удачный опыт переселения группы крестьян // Вестник Европы. — 1912. — № 8. — С. 300—301, 312—314.
- (9) Материалы высочайше учрежденной 16 ноября 1901 г. Комиссии по исследованию вопроса о движении с 1861 по 1900 г. благосостояния среднеземледельческих губерний сравнительно с другими местностями Европейской России. — СПб., 1903. — Ч. 1. — С. 216.
- (10) См., например: *Шестаков П.М.* Рабочие на мануфактуре Т-ва «Эмиль Циндель» в Москве: статистическое исследование. — М., 1900. — С. 18—25, 53, 75.
- (11) РГИА. — Ф. 391. — Оп. 2. — Д. 300. — Л. 19.
- (12) Экономическое состояние городских поселений Европейской России в 1861—1862 г. — СПб., 1863. — Ч. 1. — С. 1—27 (паг. 9-я), 1—45 (паг. 18-я); Ч. 2. — С. 1—41 (паг. 26-я), 1—35 (паг. 32-я), 1—43 (паг. 39-я), 1—42 (паг. 61-я).
- (13) Из города Обояни // Курские епархиальные ведомости: Ч. неофиц. — 1911. — 25 нояб. — С. 485.
- (14) См., например: Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. — СПб., 1904. — Т. XXIX: Орловская губерния. — С. 40—47, 172—173; Государственный архив Тамбовской области (далее — ГАТамО). — Ф. 4. — Оп. 1. — Д. 4377. — Л. 2—35.
- (15) Государственный архив Тульской области (далее — ГАТулО). — Ф. 4. — Оп. 2. — Д. 17. — Л. 90—98; Оп. 12. — Д. 556. — Л. 22—31.
- (16) Общий свод... — С. 8—9; типичные сведения по отдельным губерниям см.: Государственный архив Курской области (далее — ГАКО). — Ф. 1. — Оп. 1. — Д. 8521. — Л. 15—19, 465.
- (17) *Курчевский Б.* О русской эмиграции в Америку. — Либава, 1914. — С. 14—33. Конкретные примеры об эмигрантах региона см.: ГАКО. — Ф. 1. — Оп. 1. — Д. 7309. — Л. 1—7; Д. 7426. — Л. 1—22; ГАТамО. — Ф. 4. — Оп. 1. — Д. 7371. — Л. 11; Д. 7388. — Л. 207—211, 235—235^А.
- (18) РГИА. — Ф. 1299. — Оп. 1. — Д. 1764. — Л. 125—130, 165—179, 189—198; Россия в мировой войне 1914—1918 года (в цифрах). — М., 1925. — С. 21—22, 49.
- (19) Российский государственный военно-исторический архив (далее: РГВИА). — Ф. 2000. — Оп. 6. — Д. 32. — Л. 49, 64, 120, 205.
- (20) ГАТамО. — Ф. 4. — Оп. 1. — Д. 5187. — Л. 3—7.
- (21) РГВИА. — Ф. 400. — Оп. 2. — Д. 1421. — Л. 170 об.—172, 180—182, 188—206.

- (22) См., например: Алфавитный список студентов и посторонних слушателей императорского Московского университета за 1913—1914 академический год. — М., 1914. — С. 2—458.
- (23) См., например: Врачи, окончившие курс в Московском университете в 1884 г.: 1884—1899 г. — М., 1900. — С. 3—13.
- (24) Государственный архив Воронежской области (далее — ГАВО). — Ф. И.—63. — Оп. 2. — Д. 1. — Л. 1—4 об.; Д. 14. — Л. 52 об.; Адрес-календарь Воронежской губернии на 1917-й год. — Воронеж, 1916. — С. 52—53.
- (25) См., например: ГАТамО. — Ф. 4. — Оп. 1. — Д. 9436. — Л. 485—489.
- (26) Архив Российского этнографического музея (далее — АРЭМ). — Ф. 7. — Оп. 1. — Д. 1140. — Л. 16 об.—18; Д. 1446. — Л. 19—21; Д. 1742. — Л. 4; ГАТамО. — Ф. 4. — Оп. 1. — Д. 6460. — Л. 1—351; Отхожие промыслы, переселенческое и богомольческое движение в Воронежской губернии в 1911 году. — Воронеж, 1914. — С. 57—63.
- (27) АРЭМ. — Ф. 4. — Оп. 1. — Д. 1140. — Л. 20—21 об.; Всеподданейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода по ведомству православного исповедания за 1913 год. — СПб., 1915. — Прил. № 1—2. — С. 4—5; ГАКО. — Ф. 20. — Оп. 3л. — Д. 186. — Л. 1 об.—37 об.; Д. 187. — Л. 2—49.
- (28) РГИА. — Ф. 1291. — Оп. 53. — Д. 2. — Л. 6 об.
- (29) См., например: ГАКО. — Ф. 1. — Оп. 1. — Д. 2346. — Л. 10—193.
- (30) Государственный архив Российской Федерации (далее — ГАРФ). — Ф. Р-3333. — Оп. 2. — Д. 329. — Л. 30 об.; Оп. 4. — Д. 10. — Л. 21; РГВИА. — Ф. 2000. — Оп. 3. — Д. 1111. — Л. 1—3.
- (31) ГАРФ. — Ф. Р-3333. — Оп. 2. — Д. 1а. — Л. 8 об.—11.
- (32) См., например, обследование беженцев в Рязанской губернии: РГИА. — Ф. 1322. — Оп. 1. — Д. 36. — Л. 1—180.
- (33) ГАВО. — Ф. 104. — Оп. 1. — Д. 82. — Л. 4, 6.

HISTORICAL VARIETY OF POPULATION'S MIGRATION OF CENTRAL-CHERNOZEM REGION IN 1861—1917

A.N. Kurtzev

Department of History of Russia
Kursk State University
Radishcheva str., Kursk, Russia, 305000

The article contains the foundations of an innovative conception on an integral characteristic of the whole variety of people's transference during 1861—1917. By the example of Central-Chernozem region the complex of labour migrations, military and educational, religious and repressive migrations, refugees' Exodus after the World War I have been revealed.